

В.А. ФИЛИМОНОВ

М.С. КУТОРГА И Н.И. КАРЕЕВ

КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА И ТРУДНОСТИ ВЕРИФИКАЦИИ

В рамках схолярных исследований последних лет четко обозначилось проблемное поле, связанное с межличностными коммуникациями внутри научной школы и за ее пределами. Значимый сегмент этого поля — изучение различных аспектов линии учитель–ученик¹. Наша задача — уяснить характер взаимоотношений выдающегося русского историка Н.И. Кареева (1850–1931), в пору зарождения его интереса к исторической науке, с «первым самостоятельным русским исследователем в области древнегреческой истории»² Михаилом Семеновичем Куторгой (1809–1886).

Опираясь на мемуары Кареева, исследователи его творчества ограничиваются констатацией факта слушания им курса Куторги по древней истории во время обучения на историко-филологическом факультете Московского университета (1869–1873)³, избегая подробного анализа того влияния, которое оказали или могли оказать эти лекции на формирование научных интересов будущего историка.

¹ См., напр.: *Догоева В.П.* Ф.И. Буслаев и В.О. Ключевский: учитель и ученик // Ключевский. Сб. материалов. Вып. 1. Пенза, 1995. С. 111-119; *Шаханов А.Н.* Учитель и ученик: С.М. Соловьев и В.О. Ключевский в 1860–1870-е годы // Там же. С. 304-321; *Антощенко А.В.* Учитель и ученик: В.И. Герье и П.Г. Виноградов // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 105-117 и др.

² *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX–начале XX века. Ч. I. Л., 1929. С. 100.

³ *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: генезис и эволюция. Л., 1988. С. 11; *Он же.* Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» // *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 7; *Он же.* Николай Иванович Кареев (1850–1931) // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 130; *Дунаевский В.А.* «Прожитое и пережитое» о жизни и творчестве Н.И. Кареева // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 26; и др.

Насколько и в какой мере Кареев сам ощущал себя учеником Куторги? Обратимся к источникам — к оценкам Куторги и ссылкам на его труды, которые содержатся в работах Кареева. Первым по времени упоминанием о Куторге является включение его произведений в «Указания на литературу по истории Греции и Рима», приложенные ко 2-му изданию «Введения в курс истории древнего мира»⁴. В рецензии на эту книгу В.И. Модестов пояснял, что Карееву как «питомцу московского университета, известны некоторые сочинения московских профессоров...», в том числе «...Куторги, окончившего свою карьеру в московском университете»⁵. В 1890 г. Кареев, сетуя на то, что историки редко затрагивают теоретические вопросы, называет Куторгу в числе немногих исследователей, которые хоть раз высказывали «свою научную profession de foi»⁶. В энциклопедической статье, написанной для «Словаря» Брокгауза и Ефрона (1899), Кареев называет Куторгу «первым русским ученым, посвятившим себя самостоятельной разработке всеобщей истории»⁷.

Единственную ссылку на сочинение Куторги («История Афинской республики») находим в типологическом курсе «Государство-город античного мира». Кареев обратил внимание на то, что Куторга, писавший «еще в те времена, когда историческая наука очень мало интересовалась социально-экономическими вопросами»⁸, проанализировал факт борьбы между прогрессивно-демократической и консервативно-аристократической партиями по вопросу о будущем характере афинской демократии.

В 5-й главе («В Московском университете») воспоминаний Кареева «Прожитое и пережитое» Куторге уделено 1,5 страницы. Хотя

⁴ Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). 2-е изд. СПб., 1886. С. 110. В перечень вошли следующие работы Куторги: 1) История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада. СПб., 1848; 2) Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клисфена // Прописки. 1853. Кн. 3; 3) Персидские войны. СПб., 1858.

⁵ Модестов В.И. [Рец.] Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим) 2-е изд. СПб., 1886 // Новости. 1886. № 77. 9 марта.

⁶ Кареев Н.И. Разработка теоретических вопросов исторической науки // Историческое обозрение. Т. I. СПб., 1890. С. 26.

⁷ Кареев Н.И. Историческая наука [в России] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 55. С. 802.

⁸ Кареев Н.И. Государство-город античного мира. СПб., 1903. С. 283.

профессор представлен здесь как «своего рода *figura comica*», мемуарист отметил главное: «Куторга был одним из первых в России всеобщих историков, работавших самостоятельно и по источникам»⁹. Последний раз о Куторге Кареев написал в «Отчете о русской науке» (1927), отмечая, что из «российских “всеобщих историков” действительное значение имеют работы М. Куторги»¹⁰.

Как видим, рефлексия Кареева относительно Куторги преимущественно сосредоточена в мемуарах. При этом напрямую о каком-либо влиянии не заявлено, напротив, в тексте зафиксированы факты, которые формально должны способствовать негативной оценке Куторги. На деле же эти сведения никак не мешают созданию в целом положительного образа профессора. Так, Кареев указывает, что Куторга «уже будучи стариком, перешел в Московский университет из Петербургского, где преподавал до того времени более тридцати лет»¹¹, но умалчивает о скандальном характере этого перехода, вызванного студенческой обструкцией и неизбранием на следующий срок¹². Далее он сообщает: «в студенческой среде распространилась молва, что Куторга был ставленником Леонтьева (а следовательно, и

⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 119. Эта глава была написана в 1921 г. См.: Там же. С. 304.

¹⁰ Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет // Отечественная история. 1994. № 2. С. 147. Первонач.: *Karéiev N. Russie // Histoire et historiens depuis 50 ans. Méthodes, organisation et résultats du travail historique de 1876 à 1926. Vol. 1. Paris, 1927.*

¹¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 119.

¹² «Особенно трудно и остро сложились отношения у маститого профессора со студенческой аудиторией: студенты-шестидесятники были охвачены демократическим порывом, их интересовала не столько наука, сколько политика, и они начали устраивать Куторге, который не разделял их внеаучные увлечения, не шел на компромисс с ними, разного рода обструкции. К стыду Ученого совета Историко-филологического факультета, надо признать, что этот важный орган университетского управления пошел на поводу студенческих настроений и в 1869 г., при избрании Куторги на очередной пятилетний срок, забаллотировал его. Дело приобрело скандальную окраску, и министерство — надо отдать ему должное — предоставило Куторге возможность преподавания в другом, именно Московском университете». — Фролов Э.Д. Вместо предисловия: к 120-летию виртуальной встречи поколений (две эпохи и два архегета) // МНЕМОН. Вып. 5. СПб., 2006. С. 9-10.

Каткова), так что его заранее невзлюбили»¹³. Известно отрицательное отношение Кареева к деятельности Каткова и Леонтьева, посвященные им страницы воспоминаний имеют ярко выраженную негативную коннотацию: «знаменитого катковского друга Леонтьева я почти и вовсе не слушал...», «вообще, этот человек был существом злобным...», «политическая его [Леонтьева — В.Ф.] физиономия, как сподвижника Каткова, прямо от него отталкивала...»¹⁴ и т.д.

Не удостоились высоких оценок Кареева и другие университетские профессора-классики — Г.А. Иванов («в Иванове было что-то подьяческое и молчалинское...», «только по леонтьевской протекции он получил докторство *honoris causa*...», «был типичным чинушей, исполнителем начальственных видов...»¹⁵), Ю.К. Фелькель («был только случайным преподавателем и, нужно сказать, очень при этом неважным учителем...»), И.Х. Виберг («толковавший нам, уже не помню, какого греческого автора...»¹⁶).

Иное дело — Куторга. Кареева не смущает ни мнимая или подлинная принадлежность его к катковско-леонтьевской партии, ни то, что «это был человек трудный по крайне щекотливому самолюбию»¹⁷, ни то, что, он советовал студентам «читать только древних

¹³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 119.

¹⁴ Там же. С. 114.

¹⁵ Там же. С. 115. Эта оценка не совпадает с мнением других учеников Иванова. Учившийся в 1884–1888 гг. в университете А.А. Кизеветтер писал, что тот был «...прекрасным профессором. Он переводил нам Цицерона. Его комментарии были глубоко поучительны, а его перевод обличал в нем тонкого, образцового стилиста... На вид это был замухрышка, облик мелкого чиновника отпечатлелся на всю жизнь, но это не мешало ему являться в своих лекциях элегантнейшим преподавателем своего предмета» (*Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 65–66*). Известна и высокая оценка педагогической деятельности Иванова, данная известным филологом-классиком М.М. Покровским (См.: *Покровский М.М. Г.А. Иванов // Речь и отчет Московского университета, читанные 12 января 1902 года. М., 1902.*)

¹⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 115.

¹⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 119. Это подтверждается и другими мемуаристами. Так, Ф.Н. Устрялов вспоминал: «Самолюбие его [Куторги — В.Ф.] было громадное и высказывалось оно при всяком ничтожнейшем случае в самых оригинальных проявлениях. Самолюбие много вредило ему в отношениях и к студентам, и к профессорам. ... Дело в том, что Михаил Семенович требовал от всех к своей особе чрезмерного обожания, едва ли не благо-

авторов», а из новейшей литературы только свои собственные труды¹⁸. Доминантой является резюме Кареева: «Лекции его мне понравились...»¹⁹. Как мы могли убедиться, ни отдельные высказывания Кареева, ни сюжет в воспоминаниях не дают прямого ответа на вопрос, чем была вызвана столь высокая оценка Куторги? При этом эвристическую ценность мемуаров не следует считать исчерпанной.

В качестве объяснения коммуникативной ситуации, мы выдвигаем несколько положений. На наш взгляд, оценивая того или иного университетского преподавателя, Кареев (напомним, что мы анализируем мемуары, являющиеся откликом на события почти 60-летней давности, а не дневник, фиксирующий происходящее по «горячему следу») исходил из невольного сравнения их со своими гимназическими учителями. Такие пары составляют — по истории Ф.Э. Будде и М.С. Куторга; по латинскому языку В.П. Басов и Г.А. Иванов с П.Н. Леонтьевым; по греческому К.И. Жинзифов — Ю.К. Фелькель с И.Х. Вибергом. Если о гимназических филологах (в отличие от университетских) Кареев высказывается восторженно (Жинзифов:

говения. Тогдашние московские светила наук, Грановский, Кудрявцев, Леонтьев, а также и Белинский, или служили ему поводом к злобным насмешкам и несправедливым нареканиям, или выставлялись им личностями, которых он как бы игнорировал. Достаточно было произнести перед ним одно из этих имен, чтобы возбудить жесточайшую вспышку гнева, и человек, признававший за этими лицами заслуги, становился чуть ли не личным его врагом. Собственное «я» нашего историка стояло всегда и во всем на первом плане; малейший намек не только на первенство кого-либо другого, но даже на сравнение с ним, выводил его из себя». — *Устрялов Ф.Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Кн. 8. С. 298.

¹⁸ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 119. Ср.: «О ...московских профессорах своего времени Н.И. до сих пор сохранил такую свежую память, как будто он еще вчера был студентом, как будто еще вчера на просьбу, обращенную к Куторге, указать источники для работы по истории Греции, выслушал ворчливый ответ: «А разве вам недостаточно моих лекций?». — *Дживелегов А.К.* Н.И. Кареев [к 40-летию научной деятельности] // Голос минувшего. 1913. № 12. С. 325.

¹⁹ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 119. Подробнее о лекциях Куторги пишет Языков: «В самом деле, каждая лекция, посвященная известному историческому лицу, указывала источники и литературу предмета, рядом с их строго-критической оценкой. Точно так же в редком чтении не передавались прежние и новые взгляды на излагаемые факты, с целью, как можно вернее осветить их перед слушателями» (*Языков Д.Д.* Воспоминание о М.С. Куторге. С. 564).

«[мы] совсем не боялись милого учителя греческого языка болгарина Ксенофонта Ив[ановича] Жинзифова»; «он знал язык очень хорошо»; «мы любили нашего “Ксенофонтика”») или нейтрально (Басов: «переводчик грамматики Мадвига, строгости которого побаивались»²⁰), то историк Будде («если я в гимназии не сделался историком, вина лежала на учебнике и на преподавателе»; «[Будде] больше возбуждал в нас скуку, чем интерес к делу. Был он человек добрый и какой-то не от мира сего, плохо, тогда, по крайней мере, понимавший психику своих учеников-подростков»²¹) уступает Куторге.

Приведенные характеристики способны прояснить оценки, данные Кареевым преподаванию классических дисциплин в целом: «студентов первого курса угощали преимущественно латинским и греческим языками с приемами, сильно напоминавшими гимназию», «оба древние языка для первокурсника я знал недурно, скоро перестал ходить на лекции обоих преподавателей, а занимался дома», «как-то потом я забросил классические занятия, бывшие обязательными чуть не до конца курса, хотя и получал на экзаменах высший балл», «появись Корш на нашем горизонте раньше, он, я думаю, захватил бы меня, когда главным, что меня привлекало, была лингвистика»²². На младших курсах научные интересы Кареева были сосредоточены не на истории, а на филологии — сравнительном языкознании, мифологии, фольклоре и древней русской литературе²³. Поэтому понятен интерес первокурсника Кареева к лекциям именно этого профессора, который, по его словам, «был необычайно симпатичным, даже прямо для нас, студентов, обаятельным человеком»²⁴.

Как в таком случае объяснить его сожаление по поводу невозможности (при несомненном желании) заниматься греко-римской филологией? Здесь надо сказать, что первый, еще гимназический, научный успех Кареева связан именно с классической древностью.

²⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 100.

²¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 99.

²² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 114.

²³ Показательно, что повествуя о первых годах пребывания в университете, Кареев называет историко-филологический факультет филологическим, а студентов — филологами.

²⁴ Там же. С. 117.

В 1869 г. увидело свет его сочинение²⁵, получившее доброжелательную оценку в столичной печати, где отмечалось, что «брошюрка эта бесспорно небесполезна и заслуживает полного внимания, как первый опыт молодого автора»²⁶. Специализация у Буслаева не давала возможности развивать интерес к античности²⁷, не привлекал к себе и «ни один из профессоров-классиков»²⁸. При этом Куторга был первым профессиональным историком, встретившимся на жизненном пути Кареева. Возможно, его научная судьба могла сложиться иначе, если бы это влияние не было прервано — на II курсе свои лекции по всеобщей истории начал читать В.И. Герье, а Куторга почти весь 1870 год провел в научной командировке в Греции²⁹.

По установившимся к началу 1870-х гг. правилам, с III курса студенты выбирали, говоря современным языком, специализацию, и Кареев числился на славяно-русском отделении. При этом он «посещал все лекции Герье, читал указанные им книги (например, сочинения Гизо) и принимал участие в его практических занятиях, пока под его влиянием не перешел со славяно-русского на историческое отделение»³⁰. Сохранившийся архивный документ частично восполняет эту лауну: «Было бы *долго рассказывать* как это произошло, но не могу не упомянуть, что *одним* из внешних факторов этой перемены в ориентации моих научных интересов было преподавание профессора Владимира Ивановича Герье (курсив мой. — В.Ф.)»³¹. Вполне допустимо, что здесь содержится намек на влияние Кутор-

²⁵ См.: Кареев Н.И. Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка. М., 1869.

²⁶ Фохт Р.А. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка. М., 1869 // ЖМНП. 1869. № IX. С. 182.

²⁷ О том, что такой интерес сохранялся, говорит проблематика написанных в этот период статей «Миф и героический эпос» (Филологические записки. 1872. Вып. VI.) и «Космогонический миф» (Там же. 1873. Вып. I), в которых отметим смелое сравнение греческих мифов со славянскими и проведение параллели между Беллерофонтом и Ильей Муромцем.

²⁸ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 115.

²⁹ Языков Д.Д. Воспоминание о М.С. Куторге. С. 566.

³⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 120-121. О подробностях перехода Кареев не сообщает, кроме того, что был переведен «без потери года».

³¹ Кареев Н.И. Проект речи на пятидесятилетнем юбилее 14 июля 1923 г. // НИОР РГБ. Ф. 119. К. 20. Ед. хр. 35. Л. 2.

ги³². Известно, что на III и IV курсах тот читал студентам-историкам курс исторической критики, в котором знакомил их с основами источниковедения и методологии истории³³, в это же время Куторга опубликовал несколько теоретических работ³⁴, несомненно, ставших известными Карееву. Кроме того, на IV курсе Кареев занимался в семинарии Куторги по выбору, где выполнил реферат, посвященный истории г. Трикка, заслуживший похвалы профессора³⁵. Занятия у Куторги могли подготовить почву для решения перейти от филологии к истории, а значит, не следует исключать существование альтернативы выбора Кареевым специализации по древней, а не по новой западноевропейской истории. Другое дело, что Куторга не объявлял набора учеников, что связано, на наш взгляд, с его положением неофита в Московском университете и почтенным возрастом. К тому же прямое общение было прервано: в 1873 г. Кареев окончил университет, а в 1874 г. Куторга отказался от следующей баллотировки и покинул Москву, переехав в свое имение под Могилевом.

Стоит ли прибегать к сослагательному наклонению и рассматривать альтернативные варианты развития событий? Ведь доподлинно известно, что в итоге Кареев стал учеником Герье и специалистом по западноевропейской истории нового времени³⁶. Представляется, что мы имеем дело как раз с тем случаем, когда «побежденная

³² Свидетельство Кареева «работает» на нашу версию: «Только в середине университетского курса, под влиянием профессорских лекций и самостоятельного чтения (курсив мой. — В.Ф.), я стал заниматься историей» (Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903. С. III).

³³ Ср.: «Где нет критики, там нет и истории» (Куторга М.С. Очерк новейших историков Западной Европы // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Отд. III. С. 111) и «Признанию за прошлыми фактами реального значения или констатированию фактов должна предшествовать тщательная критика источников» (Кареев Н.И. Теория исторического знания (Историка). СПб., 1913. С. 110).

³⁴ Куторга М.С. 1) Историческое развитие понятия истории от начала XVI ст. до нашего времени // Московские университетские известия. 1870. № 3 (именно на нее ссылается Кареев, причисляя Куторгу к историкам-теоретикам); 2) О науке и ее значении в государстве // Русский вестник. 1873. Кн. 3. С. 5-61.

³⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 120.

³⁶ См.: Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 152-173; Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций. С. 174-188.

альтернатива не исчезает бесследно, но накладывает отпечаток на победившую тенденцию...»³⁷. И весь последующий греко-римский дискурс Кареева можно считать своеобразной попыткой «несбывшееся воплотить». Анализ его работ по античности позволяет обнаружить в них явную и скрытую переключку с трудами Куторги.

Взгляд Куторги на характер и значение политического творчества древних греков выразился в признании греческой гражданской общины «высшим государственным строем, до коего достигли древние эллинские республики», откуда вытекали две идеи — идея свободы гражданина и идея свободы мысли, без которых немислим никакой общественный прогресс, и которые «доставили эллинам всемирно-историческое значение»³⁸. Название и проблематика «Государства-города античного мира»³⁹ Кареева восходят к «Истории Афинской республики» Куторги, а один из ключевых вопросов о свободе в античном мире выделен в специальную главу⁴⁰.

В трудах по истории афинского полиса Куторга обращал пристальное внимание на связь политических изменений с его социально-экономическим и культурным развитием. У Кареева в лекциях на Бестужевских курсах проводится идея (восходящая к Куторге?) зависимости культурных явлений от социально-политических — каждый крупный период истории Греции он завершает очерком развития умственной мысли. Таких очерков четыре, что соответствует архайке, классике, периоду кризиса полиса и эпохе эллинизма⁴¹.

³⁷ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 56. Ср.: «Контрфактическая модель исторического прошлого позволяет глубже уяснить суть былых событий...». — Экутут С.А. Битвы за храм Мнемозины. СПб., 2003. С. 209.

³⁸ Цит. по: Фролов Э.Д. Русская наука об античности. С. 166.

³⁹ См.: Филимонов В.А. К вопросу о способах репрезентации античной истории: опыт универсального дискурса Н.И. Кареева // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2005. С. 34-48.

⁴⁰ См.: Филимонов В.А. К вопросу о понимании Н.И. Кареевым феномена античной свободы // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 2. Ставрополь, 2002. С. 162-167.

⁴¹ Лекции по древней истории, читанные проф. Н.И. Кареевым на Высших женских курсах. Курс I. 1890–1891 г. [СПб., 1891]: [Литогр.]. См. также: Филимонов В.А. Лекционные курсы Н.И. Кареева по древней истории // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Ижевск, 2008. С. 68-75.

Куторга объяснял особенности генезиса родо-племенного быта древних греков, «широко используя сравнительный материал из истории древних римлян, германцев и славян»⁴². Этот же прием был использован Кареевым в «Государстве-городе». Рассматривая организацию государственной власти в начальном периоде истории греков и римлян, он выделяет три отдельные политические силы — единый глава государства, совет старейшин и народное собрание, отмечая при этом, что «подобного рода устройство ранних государств мы наблюдаем также и у древних германцев, как их описывает Тацит, и у древних славян, как о том свидетельствуют многие известия, касающиеся отдельных народов»⁴³. Куторга специально разбирал известное свидетельство Аристотеля о том, что Клисфен «поместил в филы многих чужеземцев и рабов метиков»⁴⁴. О том же, но уже с учетом вновь открытой «Афинской политики», писал Кареев: «Центральным пунктом всего законодательства Клисфена была замена старых фил, основанных на родовых связях с их аристократическим характером, новыми филами, территориальными с включением в число их членов массы новых граждан из метеков»⁴⁵.

В мемуарах Кареев указывал, что Куторга «педантически требовал, чтобы мы по-рейхлиновски называли Гомера Омиром, Геродота Иродотом, Страбона Стравоном...»⁴⁶. Возможно, именно этот факт вызвал реплику Кареева: «Особое затруднение при составлении учебника древней истории представляет собою транскрипция греческих имен. К сожалению, у нас на этот счет нет никакой последовательности, так как одни имена мы произносим по-рейхлиновски (Афины, Фивы и т.п.), другие по-эразмовски (Тезей) или в латинизированной форме (Эвбея, вм. Эвбойя). Пора было бы подумать об установлении возможного единообразия в транскрипции собственных греческих имен, что лично я считаю, однако, трудным»⁴⁷.

⁴² Фролов Э.Д. Русская наука об античности. С. 163.

⁴³ Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 34.

⁴⁴ Куторга М.С. Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клисфена // Прописки. Кн. III. Изд. 2-е. М., 1858. С. 146.

⁴⁵ Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 135.

⁴⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 119.

⁴⁷ Кареев Н.И. Несколько слов об учебнике древней истории // Русская школа. 1901. № 4. С. 191. См. также: Кареев Н.И. Учебная книга древней истории. СПб., 1901. С. 288.

Перекликаются и рассуждения о всемирно-историческом значении древнегреческой цивилизации. «Эллины, — писал Куторга, — перенесли к себе образованность Востока и, преобразовав ее, а вместе с тем опередив своих предшественников, передали ее римлянам в далеко улучшенном виде; передали уже как свое достояние, выработанное собственным творчеством. Этими двумя наследиями, греческим и римским, воспользовались западные европейцы в эпоху Возрождения и поднялись чрез них на такую высоту, что стали умственными владыками целого мира»⁴⁸. Подобную же мысль проводил Кареев: «Народы античного мира в своей культурно-социальной эволюции повторили многое из того, что уже было пережито народами древнего Востока, но, вместе с тем, греки и римляне пошли и далее, выработав у себя свободные формы государственной жизни и светскую науку. В свою очередь, и Европа в средние века и в новое время повторила в своем развитии то, что уже существовало — в иных только формах — в истории античного мира, но, равным образом, и она превзошла более раннее развитие, во многих отношениях сделав такие шаги вперед, которые, если можно так выразиться, оказались не под силу грекам и римлянам»⁴⁹.

И, наконец, известно, что как ученый, Куторга отличался философским, синтезным складом мышления, конечную цель исторического исследования он видел в выяснении общего хода всемирной истории, ее движущих факторов, поиска закономерностей в смене одних исторических эпох другими⁵⁰. Не стоит и говорить, что эти же слова можно отнести и ко всему многогранному творчеству Кареева.

Возвращаясь к вопросу о возможности специализации Кареева по древней истории, не следует сбрасывать со счетов и разочарование Куторги как в студенчестве в целом (упомянутый конфликт 1869 года в северной столице), так и в своих петербургских учениках, ибо одни (Н.А. Астафьев, В.В. Бауер, В.Г. Васильевский, В.М. Ведров, М.М. Стасюлевич) после защиты магистерской диссертации оставили занятия по античной истории, другие, хотя и стали антиковедами

⁴⁸ Куторга М.С. О науке и ее значении в государстве... С. 10.

⁴⁹ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Заокский, 1993. С. 62.

⁵⁰ Подробнее см.: Константинова А.Д. Общественно-политические и историко-философские взгляды М.С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 3, Казань, 1968. С. 113-144.

(П.И. Люперольский и Ф.Ф. Соколов), примкнули к историко-филологическому направлению⁵¹. В этом смысле Кареев в большей степени, чем кто-либо из учеников Куторги, может считаться продолжателем его «линии» в исторической науке.

Своеобразным развитием коммуникационной линии являются отношения Кареева с учениками Куторги. С М.М. Стасюлевичем (1826–1911) он поддерживал дружеские отношения, часто печатался в выходящем под его редакцией «Вестнике Европы» и издавал почти все свои книги в его типографии⁵². С другим учеником Куторги — В.В. Бауером (1833–1884), Кареев лично знаком не был, однако после переезда из Варшавы в Петербург именно его кафедру он занял в Александровском лицее, а затем и в университете⁵³. Здесь стоит отметить своеобразную линию преемственности, ибо в свое время Бауер был преемником Куторги после отъезда последнего в Москву.

Тогда же состоялось знакомство Кареева с В.Г. Васильевским (1838–1899), который поддержал его кандидатуру при замещении им кафедры в университете и помог получить лекции на Высших Бестужевских курсах⁵⁴. Васильевский принял деятельное участие в организации Исторического общества при Петербургском университе-

⁵¹ «У молодого поколения ученых, формировавшихся под влиянием критических идей того же Куторги, складывалось убеждение в необходимости уточнения самих исторических фактов до того, как эти факты будут положены в основание какой-либо теории». — Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. С. 176.

⁵² См. также: Кареев Н.И. Книга М.М. Стасюлевича о философии истории // Вестник Европы. 1911. № 3. С. 397-399.

⁵³ «Преподавание новой истории очень часто в университетах поручалось профессорам, которые сами лично не работали в этой области. Именно так в С.-Петербургском университете курс новой истории читался с 1869-го по 1884 г. В. Бауером, основные труды которого посвящены греческой истории...» — Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке... С. 151.

⁵⁴ «Вопрос о замещении университетской кафедры между тем затормозился. Некоторые профессора (особенно В.Г. Васильевский, известный византист...) относились к моей кандидатуре очень сочувственно...». — Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 176. «Васильевский — вообще человек очень доброжелательный: я прежде сомневался в его искренности, но познакомившись с ним ближе, я переменял свое мнение» (Письмо Н.И. Кареева М.С. Корелину от 25 июня 1887 г. // ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. П. 15. Л. 7об.).

те, бессменным председателем которого был Кареев⁵⁵. В Петербургском университете состоялось его знакомство еще с одним учеником Куторги — проф. Ф.Ф. Соколовым (1843–1909)⁵⁶. Слабая коммуникация обнаруживается даже с теми учениками Куторги, с которыми личное знакомство Кареева в источниках не зафиксировано⁵⁷.

Подведем итоги. Предпринятая нами реконструкция личных и научно-педагогических взаимоотношений Куторги и Кареева не может, разумеется, считаться исчерпывающей. Спецификой межличностной коммуникации является ее краткосрочность, а недостаточная обеспеченность источниками вызывает значительные трудности верификации. Несомненно одно: Кареев на протяжении всего своего творчества испытывал влияние идей Куторги, его взглядов как на античную историю, так на историческую науку в целом. Выявленные нами элементы преемственности позволяют проследить и уточнить тенденции развития исторической науки как рассматриваемого, так и последующих периодов.

⁵⁵ Кареев Н.И. Краткий обзор деятельности Исторического Общества за двадцатипятилетие 1889–1914 гг. // Историческое обозрение. 1915. Т. XX. С. 188. В «Государстве-городе» несколько страниц занимает анализ книги Васильевского «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в эпоху ее упадка» (СПб., 1865). Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 187, 188, 193, 194, 233, 244, 245, 329, 330.

⁵⁶ «профессор греческой истории Ф.Ф. Соколов, человек большой учености и хороший руководитель будущих специалистов, но читавший нестерпимо скучный и совершенно безыдейный курс, где, кроме сырого фактического материала, ничего не было...». — Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 249. Дискуссию о характере их взаимоотношений см.: Суриков И.Е. Очень субъективные заметки // Диалог со временем. Вып. 20. М., 2007. С. 352–353; Филимонов В.А. *Audiat et altera pars*, или Ответ не в меру строгим критикам // Там же. С. 355–370.

⁵⁷ Так, П.И. Люперольский (1836–1903), вместе с Бауером, Васильевским, Соколовым и Стасюлевицем назван в числе учеников Куторги, которых тот побуждал «писать диссертации на темы, взятые из греческой истории» (Кареев Н.И. Историческая наука... С. 802). На книгу Н.А. Астафьева (1825–1906) «Древности вавилоно-ассирийские по новейшим открытиям» (СПб., 1882) Кареев несколько раз ссылается в одном из своих философско-исторических «Введений...». См.: Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего Востока // Русское богатство. 1887. № II. С. 66, № III. С. 16, 30, 35.